

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-217-232

Научная статья

Устойчивые словесные комплексы, отражающие трансформацию менталитета славян в период христианизации

С.Г. Шулежкова

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

✉ shulezkova@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с социально-исторической и аксиологической информативностью старославянских устойчиво словесных комплексов (УСК) применительно к истории формирования русской фразеологической системы. В центре внимания устойчивые словесные комплексы славянских памятников X–XI веков. Цель исследования – установить сквозь фразеологическую призму истоки ключевых ценностей славян, подвергшихся трансформации в период христианизации, и их сверхсловесных именовании. Новизна лингвистических поисков видится в том, что к анализу, помимо признанных каноническими, привлекаются источники, которые ранее не учитывались составителями старославянских словарей. Объектом исследования послужил корпус старославянских УСК, реконструированный на основе сплошной выборки из текстов, созданных в разных частях средневековой Славии. Для анализа языкового материала использованы сравнительно-исторический, лингвокультурологический, лингвокогнитивный методы исследования, а также приемы компонентного и контекстуального анализа. По результатам исследования внесены коррективы в представление о составе и характере деятельности средневековых христианских сообществ. Старославянские УСК свидетельствуют о том, что бывших язычников-русичей христиане привлекали своей безграничной верой в истинность учения Христа, их способность отстаивать свои убеждения, личное мужество, любовь к ближнему и милосердие. Актуальность исследования состоит в том, что в условиях глобализации христианские ценности, усвоенные восточными славянами во время христианизации, которая способствовала мощному взлету русской культуры, сегодня нуждаются в защите. Намеченный в данной работе путь открывает перспективу установления истоков русского фразеологического корпуса христианской тематики и закономерностей его формирования.

Ключевые слова: аксиологическая система, нравственные ценности, устойчивые словесные комплексы, русский язык, славяне, христианство, фразеология

История статьи: поступила в редакцию 16.11.2021; принята к печати 11.01.2022.

Для цитирования: Шулежкова С.Г. Устойчивые словесные комплексы, отражающие трансформацию менталитета славян в период христианизации // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 217–232. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-217-232>

Введение

Несмотря на то, что в статье речь идет о языке, который просуществовал как общий литературный язык славян только два века, неизменный интерес лингвистов к нему вполне объясним: Н.И. Толстой назвал «наличие международного надэтнического литературного языка» «самой яркой культурно-языковой особенностью средневековой Славии» (Толстой. Кирилло-мефодиевская традиция..., 1998: 49). Открытие старославянских рукописей в конце XVIII – начале XIX в. положило начало сравнительно-исторической славистике. В ней, помимо деятельности Кирилла и Мефодия, истории появления глаголицы и кириллицы, издания старославянских памятников, значительное место заняли исследования в области палеографии, фонетики и грамматики древнейших славянских текстов, что нашло отражение и в практике преподавания курса старославянского языка на славистических отделениях университетов России и Европы. Лишь во второй половине XX в. появились собственно старославянские словари. Первый из них увидел свет в Гейдельберге. Это был учебный словарь Л. Садник и Р. Айтцетмюллера, адресованный студентам, где славянская лексика из 20 рукописей, переданная латинской графикой, сопровождается комментариями на немецком языке¹. Почти 40 лет спустя под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой в Москве был опубликован старославянский словарь по рукописям X–XI вв. В нем описано происхождение (с указанием их греческих аналогов) и значение около 10 000 старославянских слов из 18 памятников; приведены примеры употребления лексем с точной их «паспортизацией»². Параллельно в Болгарии шла работа над двухтомным словарем древнеболгарского литературного языка, который был издан под редакцией Д. Ивановой-Мирчевой в Софии³. Авторы этого словаря опирались на большее число источников X–XI вв., однако ограничились рукописями и надписями, выполненными на болгарской земле.

Успехи старославянской лексикографии способствовали активизации системного описания лексики общеславянского литературного языка Средневековья. По материалам «Старославянского словаря» 1994 г. руководителем Центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН Т.И. Вендиной была написана уникальная книга «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» (Вендина, 2002). Позднее с ориентацией на тот же словарь известным славистом В.С. Ефимовой были опубликованы монографии «Старославянская словообразовательная морфемика» (Ефимова, 2006) и «Наименования лиц в старославянском языке» (Ефимова, 2011).

Несмотря на значительные успехи, достигнутые лингвистами за два с лишним века существования, у славистики остается немало нерешенных проблем. В связи с темой данной статьи остановимся только на двух из них. К числу острейших следует отнести, во-первых, проблему, связанную с составом ис-

¹ *Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg : Carl Winter-Universitätsverlag, 1955. 341 s.*

² Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М. : Русский язык, 1994. 842 с.

³ Старобългарски речник : в 2 т. / отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. София : Валентин Траянов, 1999–2009.

точников изучения общеславянского литературного языка Средневековья. Большинство славистов не считают старославянскими рукописи X–XI вв., в том числе датированные, которые были созданы на восточнославянских землях. К *старославянским каноническим памятникам* обычно относят 18 рукописей, созданных в Болгарии, исключая богатейшее рукописное наследие восточных славян. Памятники X–XI вв., возникшие на территории Древней Руси, Р.М. Цейтлин включает в число «косвенных источников» изучения старославянского языка (Цейтлин, 1977: 12, 15–17).

С недооценкой значимости памятников восточнославянского происхождения, оказавших огромное влияние на формирование русского литературного языка, связана вторая проблема современной славистики – малая изученность фразеологического фонда старославянского языка. Ученые, которые во второй половине XX в. начали системно изучать старославянскую лексику, к возможности выделения фразеологизмов из старославянских текстов относились весьма скептически. Оправдывается такая позиция малочисленностью старославянских текстов, мнимой, по нашему мнению: ведь даже Остромирово евангелие, которое А.Х. Востоков обоснованно причислял к памятникам, наиболее близким к кирилло-мефодиевским переводам, большинством исследователей не признается старославянским. При таком подходе к источникам старославянского языка вполне ожидаемым оказалось высказывание Р.М. Цейтлин: «Следует учитывать, что в старославянском языке определить границы между устойчивым и свободным словосочетанием при ограниченности материалов, которые дают рукописи, нередко бывает чрезвычайно трудно» (Цейтлин, 1994: 52). Не случайно фразеологи-слависты конца XX – начала XXI вв. изучают по преимуществу современное состояние корпуса библейских устойчиво словесных комплексов (УСК). Из исследований этой тематики особого внимания заслуживают очерк известного польского фразеолога В. Хлебды *Biblizmy jako skrzydlate jednostki polszczyzny* (Chlebda, 2005; Chlebda, 2015), рассматривающего УСК библейского происхождения как крылатые языковые единицы; монография «Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре» (Дубровина, 2012) автора энциклопедического словаря библейских фразеологизмов⁴; сопоставительные исследования лидеров Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов В.М. Мокиенко и Х. Вальтера (Мокиенко, 2010; Mokienko, 2018), являющихся одновременно авторами современных библейских словарей⁵, а также других – западнославянских, южнославянских и отечественных специалистов (Kozłara, 2007; Федуленкова, 2019; Balakova, 2020; Бакина, 2021 и др.).

Но историческая славистика не стоит на месте, ибо «...кирилло-мефодиевский вопрос, кирилло-мефодиевская традиция по-прежнему остается краеугольным камнем славянской исторической филологии, потому что это

⁴ Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта : Наука, 2010. 808 с.

⁵ Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц. М. : АСТ : Астрель, 2010. 639 с.; Walter H. *Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald : Universität Greifswald, 2018. 158 s.

вопрос начала, исконности славянской письменной словесности, древних славянских литератур, литературных языков, наконец, славянского народного самосознания, без которого не могло быть ни славянской государственности, ни полноценного исторического развития славянских народов» (Толстой. Древняя славянская письменность..., 1998: 43–44). Во втором десятилетии XXI столетия были внесены коррективы в теоретические установки относительно источников изучения старославянского языка и старославянской фразеологии, а также в практическую словарную работу относительно возможности или невозможности выявлять УСК в старославянских текстах. Одному из ведущих палеославистов России, доктору филологических наук Е.М. Верещагину удалось поставить точку в извечном споре о месте Остромирова евангелия среди прочих памятников древнейшей славянской письменности. Сравнив месяцесловные записи Остромирова евангелия с месяцесловами древнейших рукописей болгарского происхождения, Верещагин установил: «...антиграф *Остр* был переписан до 885 г. (то есть еще при жизни Мефодия. – С.Ш.), антиграф *Сав* – после 885 г., а антиграф *Асс* – после 916 г.» (Верещагин, 2012: 470). Кроме того, фонетико-морфологический и лексический анализ памятника показал, что «*Остр* в целом написано на языке Кирилла и Мефодия (или, в согласии с привычным термином, на старославянском языке)» (Там же: 477). О богатстве старославянского корпуса УСК и его значимости для изучения истории русских фразеологизмов свидетельствуют результаты, полученные научными сотрудниками Магнитогорской словарной лаборатории (см., например, изданный в 2011 г. «Фразеологический словарь старославянского языка»⁶, публикующийся «Большой фразеологический словарь старославянского языка»⁷, а также теоретические работы: Мишина, 2007; Жигулина, 2013; Комшина, 2014; Шулежкова, 2017; Shulezhkova, Kostina, 2020 и др.). Анализ УСК X–XI вв. показал, во-первых, что созданные на территории Древней Руси рукописные тексты, объединенные христианской тематикой, одними и теми же временными рамками, близкие в жанровых проявлениях, не говоря уже о единой грамматической и фонетической системах, имеют общий с южнославянскими памятниками не только лексический, но и фразеологический состав. Во-вторых, общность фразеологического корпуса памятников, писанных в разных частях Славии, – доказательство реального существования в IX–XI вв. живого наддиалектного общеславянского *п्राзыка*. Активное же варьирование УСК – естественный результат при «диахроническом переводе библейских текстов» (см. об этом: Хухуни и др., 2021). В-третьих, фразеологический корпус старославянского языка является неопенимым источником для изучения влияния на средневековых славян христианства, которое оставило заметный след и в русской языковой картине мира.

Цель исследования – через анализ УСК старославянского языка реконструировать мир ценностей и идеалов новообращенных христиан-славян,

⁶ Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 единиц / отв. ред. С.Г. Шулежкова. М. : Флинта : Наука, 2010. 415 с.

⁷ Большой фразеологический словарь старославянского языка: в 5 т. Т. 1 / гл. ред. С.Г. Шулежкова. М. : Флинта, 2020. 552 с.

доказав при этом значимость старославянского фразеологического корпуса христианской тематики как источника для изучения истории формирования концептов, которые занимают ключевые позиции в русской языковой картине мира.

Методы и материалы

Материалами для исследования послужили 32 памятника старославянского языка, созданные в разных частях средневековой Славии в X–XI вв. (включая рукописи, найденные на рубеже XX–XXI столетий, – Ватиканское евангелие X в., Новгородский кодекс первой четверти XI в. и часть Синайской псалтыри XI в.). По этим памятникам на основе сплошной выборки была создана фразеологическая картотека (около 4 500 единиц примерно в 25 000 употреблений). При анализе УСК в качестве основных мы руководствовались двумя принципами: прежде всего антропоцентризмом, а также и системностью, которая свойственна всем уровням языка, в том числе лексико-фразеологическому, где связь между языковыми единицами наиболее наглядно проявляется через синонимические, антонимические и гиперогипонимические отношения. При изучении фразеологического материала использовались сравнительно-исторический, лингвокультурологический и лингвокогнитивный методы исследования с привлечением приемов компонентного и контекстуального анализа.

Результаты

Наблюдения над фразеологическим корпусом старославянских памятников позволили убедиться, во-первых, в том, что, независимо от места появления рукописей, на обширной территории Славии в Средние века функционировал один и тот же общеславянский литературный язык. Во-вторых, стала очевидной недооценка лингвистами во второй половине XX – самом начале XXI вв. системы сверхсловных языковых единиц как источника описания старославянского языка и их роли в изучения истории русского языка и русского менталитета. В старославянских словарях этой поры описывалась лексика; что же касается УСК, то они, если и попадали в сферу внимания лексикографов, то помещались в словарных статьях, посвященных лексемам, которые играют роль компонентов в УСК. Кроме того, комплексное исследование УСК подтвердило наше предположение о высокой информативности старославянского фразеологического корпуса. Благодаря лингвокультурологическому и историко-этимологическому анализу сверхсловных языковых единиц была осуществлена реконструкция христианской прослойки в Римской империи эпохи Раннего Средневековья; установлено место, которое занимали христиане в структуре средневекового общества; определены группы, на которые последователи Христа делились по их заслугам и по занимаемому положению в общине; уточнены детали их поведения в условиях противостояния с властью, когда христианам приходилось, отстаивая свои взгляды, выдерживать глумления, пытки и даже умирать за свои убеждения. Процессуальные и предметные УСК дали возможность проследить процессы трансформации, которые пережила славянская система ценностей благо-

даря христианизации, и выявить блок УСК христианской тематики, которые со временем «внедрились» в русскую языковую систему и служат вербализаторами ключевых концептов нашего менталитета.

Обсуждение

В книге «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» точно определяется взаимосвязь между языком и человеком интересующей нас эпохи: «Средневековая культура, как и современная, жила и развивалась в „языковой оболочке“, определяя тот мир смыслов, мир ценностей и идеалов, который отразился в языке. Вот почему мы надеемся, что опора на языковые средства позволит <...> избежать субъективности в оценке средневекового человека и его культуры и в известном смысле „реконструировать“ культурные факты и духовные ценности средневекового человека» (Вендина, 2002: 6).

Христиане в древнейших славянских текстах многогранно охарактеризованы не только однословными, но и сверхсловными языковыми единицами. Они были новой прослойкой в средневековом обществе, и очень часто явления, с ними связанные, особенно отвлеченные религиозные понятия, при переводе с греческого языка на славянский невозможно было передать обычными словами. В таком случае Кирилл и Мефодий использовали переводческий прием, который теоретически сформулировал на основе своего опыта известный библеист Ю.А. Найда в середине прошлого века: отказываясь от «пословного перевода» (Nida, 1947). Как и Найда в XX в., солунские братья тысячу лет тому назад применяли «контекстное перефразирование», а также «покомпонентное конструирование новых словосочетаний, пригодных для определенного контекста <...> К использованию двух данных приемов в общих чертах сводится концепция функциональной эквиваленции» (цит. по: Верещагин, 2012: 245).

По одной из версий, средневековое общество «делилось на „властвующих и управляющих“, „сражающихся“, „молящихся“ и „трудящихся“» (Вендина, 2002: 28). На первый взгляд, можно было бы причислить христиан к «молящимся». Но они, как свидетельствуют данные старославянских текстов, представляли собой не отдельную социальную группу, а нравственно-религиозную прослойку в Римской империи, которая пронизала разные социальные слои. Христиане появлялись и среди «трудящихся» (рабы и свободные), и среди «сражающихся» (воины, стражники, охранники), и среди «властвующих» (цари, князья, воеводы), и среди «молящихся» (монахи, отшельники), и среди «управляющих» (должностные лица в церковной иерархии). В житиях Супрасльского сборника фразы **Кръстине мы, Кръстина ксвѣ, Кръстининъ ксмъ** звучат из уст представителей самых разных сословий. В «Мучении свв. Павла и Іуліаніи» только что ставший римским императором Аврелиан (270–275), уже задумавший гонения на христиан, обращается к Павлу (о социальной принадлежности которого автор не упоминает), схваченному воинами за то, что тот осенил себя крестным знаменем, когда Аврелиан триумфально после очередной победы проходил через Финикию. Императору было необходимо, чтобы Павел, отрекшись от Христа,

принес жертву римским богам: жрѣде и непрѣподовьне. доколѣ <...> хѣлиши богы. пристѣпивъ пожьри вогомъ. аште ли ни. то зѣло зѣлѣ погоубьѣ ва. да ник'тоже възможе тъ избавити ваю отъ ржкоу мою. Пауль же и оулини възъписта коуп'но великомъ гласомъ глагол'шита кръстина есѣвѣ. и въ х(ристо)са имавѣ надеждѣ. а бѣсомъ твоимъ не слоуживѣ. и мжкъ твоихъ не боивѣ са.⁸ [Глупец и безбожник! До каких пор будешь оскорблять (наших) богов? Принеси богам жертвы! Если нет, злой смерти предам вас, и никто не спасет вас. Павел же и Иулиания воскликнули: «Христиане мы! И на Христа надеемся. А бесам твоим не будем служить, и мук твоих не боимся!»]

Эта сцена характеризует типичное поведение христиан (к какой бы социальной группе они ни принадлежали), если они оказывались в руках своих гонителей-религиозных противников. Несмотря на ужасные мучения, которым их подвергали, на угрозы лишить их жизни, христиане демонстрировали непреклонную верность учению Христа. В старославянских текстах существует около полутора десятков сверхсловных наименований их вероисповедания: вѣра кръстиньска, блага вѣра, права вѣра, истиньна вѣра, вожь вѣра, нова вѣра, новын завѣтъ, новын законъ, христо(со)во оученик, свѣта вѣра кръстиньска и др. Все они, будучи отмечены позитивной коннотацией, называют 'религиозное учение, основанное на признании Святой Троицы – Триединого божества (Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа)', дополнительно оценивая его притягательные качества – новизну, истинность, благодатность, святость, законность. Не случайно одним из ключевых концептов трансформирующейся языковой картины мира южных и восточных славян стал концепт, получивший в XI в. имя «Православие». Православие стало основой нравственных ценностей Древней Руси, а затем и России. В качестве антонимов к ядерным вербализаторам концепта «Православие» в старославянских памятниках используются обороты вѣра арианьска, боговорьна ересь, идольска слоужьба, погана вѣра, а также УСК зѣла вѣра, занимающий положение гиперонима в данном антонимическом ряду.

Новообращенные христиане-персонажи старославянских текстов серьезно относились к важнейшим догматам учения Христа – к вере в *единого Бога*, в *бессмертие* человеческой души, в *воскрешение умерших*; ожидали *Второго пришествия/явления божьего*, боялись *Страшного суда*, надеялись на *спасение Христом человечества* и мечтали после окончания земной жизни попасть в *Царствие Небесное*, а потому старались блюсти *заповеди/законы божьи*. В доказательство приведем лишь некоторые примеры из различных памятников X–XI вв.:

Аще ли естѣ живѣ. ти гл(агол)етѣ. ꙗко нѣсмь доврѣ наоученъ закону в(о)жью. Ни разоумѣлъ истиньныхъ вѣры крестьньскы. то сице и гл(агол)ище. Слыши чѣдо ꙗ разоумѣи доврѣ. в(ог)ъ единъ естѣ сътворен в'сѣхъ тварь. не имѣѣ ни отъкждоу же начѣтъка.⁹ [Если он

⁸ Супрасльская рукопись. Трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянскаго языка: в 4 т. Т. 2. Вып. 1. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. С. 12.

⁹ *Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Fotografiski posnetek. Ljubljana, 1941–1942. S. 179–180.*

жив, (и) говорит тебе: «Я плохо знаю закон божий, не понял истинной веры христианской», то так (надо) научить его, говоря: «Слышишь, чадо, и разумей: Бог един сотворил всех (людей и животных), не имея ниоткуда начала...»; **о въскрѣшени же мрѣтвѣхъ нѣсте ли чѣли реченаго вамъ в(ого)мъ гл(агол)ѣщемъ • азъ есмъ в(ог)ъ <...> авраамъ ꙗ в(ог)ъ исаковъ • ꙗ в(ог)ъ нѣковъ нѣстъ в(ог)ъ мрѣтвѣхъ нъ живѣхъ**.¹⁰ [О воскрешении же мертвых не читали ли сказанного вам Богом?: «Я бог Авраама, и бог Исаака, и бог Иакова, бог не мертвых, но живых»]; **Ѣна оба на десѣте послѣла и(соу)съ • заповѣдавъ имъ гл(агол)ѣ • болацѣма цѣлѣте • мрѣтвѣма въскрѣшѣте • прокаженѣма очишѣте • вѣсы изгонѣте • тоу не приѣсте тоу не дадите**.¹¹ [Этих 12 послал Иисус, наказав им: «Больных исцеляйте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте. Даром приняли, даром отдавайте»]; **Видѣвъ пророкъ д(оу)ховьнама очима • боудоуштек с(ъ)п(ас)еникъ въсѣмъ ч(ловѣ)комъ • божимъ гавл'нимъ • молитъ да скоро подано бѣдетъ**.¹² [Пророк, увидев духовными очами будущее спасение человечества, молит, чтобы скорее это произошло...]

В общеславянском литературном языке Средневековья существовало около двух десятков УСК-названий последователей Христа. Всех вместе их иногда в старославянских памятниках называют родомъ **крѣстиньскимъ**. Так, в уже упомянутом выше «Мучении свв. Павла и Юлиани» царь Аврелиан, услышав о том, что дикие звери и птицы не коснулись тел казненных христиан, воскликнул: **ѡ з'лочьстѣноу вѣшеникѣ рода крѣстианьска • тако ни оумерѣшь ихъ могоухъ повѣдити**.¹³ [О безбожное беснование рода христианского! Даже мертвых я не смог их одолеть!]; А в «Мучении св. Василиска» отпущенный из темницы для того, чтобы проститься с родными, в присутствии сопровождавших его воинов христианин Василиск, **видѣвъ братѣж и матеръ своѣж • молѣаше сѣ имъ глагола • прѣвѣдѣте о вѣрѣ христовѣ • и молитвѣж сътворите о мнѣ къ г(оспод)оу • да съкончѣанъ бѣдѣ въ исповѣданіи семъ • азъ бо отъхождѣ отъ васъ • и отъсели не видите мене въ плѣти • шѣдѣ же къ г(оспод)оу молитвѣж сътворѣ за вы • и за всѣго рода Крѣстиньска**.¹⁴ [...увидев братьев и мать свою, попросил их: «Пребудьте в вере христианской и молитесь обо мне господу, да скончаюсь в этой вере. Я покидаю вас, и уже не увидите меня во плоти. Уходя к господу, помолюсь за вас и за весь род христианский.]

В блоке наименований христиан по различным признакам выделяется группа УСК, характеризующих всех христиан независимо от их социального

¹⁰ Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus / edidit V. Jagić. Berolini : Apud Weidmannos, 1879. P. 32.

¹¹ *Ягич И.В.* Мариинское четвероевангелие. Памятник глаголической письменности. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1883. С. 29.

¹² *Погорелов В.А.* Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Кирского на псалтырь в древнеболгарском переводе // Памятники старославянского языка. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1910. Т. III. Вып. 1. С. 88.

¹³ Супрасльская рукопись. Трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянского языка. Т. II. Вып. 1. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 16.

статуса как приверженцев новой веры (раби божи, раби бога вышняго, раби господни, раби Христа, раби христо(со)ви), и подгруппы, в которые входят наименования христиан, добившихся внутри христианского сообщества определенного статуса за какие-либо заслуги (оугодьници божи, исповѣдници божи, исповѣдници христо(со)ви) или за страдания, вынесенные во имя Христа (мѣченици христови, страстьници страсотръпци христови, прѣвомѣченици христо(со)ви), а также наименования христиан, удостоившихся какого-либо почетного звания за истовость и усердие в монашеской жизни или в церковной деятельности (прѣподобный пастырь, чьстьныи старецъ, старѣшина отьцемъ, старѣшина молитвѣникомъ, старѣшина паствинѣ, пастырь овьцамъ словесьнымъ).

Приняв новую веру, бывшие язычники скорректировали свои взгляды на мир. По их представлениям, бог-царь небесный управляет многочисленным сонмом ангелов, исполнителей его воли и посредников между ним и людьми. В старославянских текстах эти бестелесные духовные существа называются аггели/ангели божи, аггели/ангели небесьнии, аггели/ангели господни, вок небесьци, вонско небесьнок. Им противостоят аггели/ангели сотонни, то есть вонско сотонино, местом обитания которого является адово/адовьскок селище, иначе называемое адомъ прѣисподьнимъ, геонюж огньнюж и находящееся въ тьмѣ кромѣшьнон:

рече же къ немуѣ анг(е)лъ г(осподь)нь • не бои сѧ захарик • зане оуслышана бысть молитва твоѧ • жена твоѧ елисаветъ • родить с(ы)нѣ тебѣ.¹⁵ [Сказал же ему ангел господень: «Не бойся Захарий, потому что услышана молитва твоя. Жена твоя Елизавета родит тебе сына»]; а отъвьргыи сѧ мене прѣдъ чловѣкы • отъвьргенъ бѣдетъ прѣдъ анг(е)лы в(о)жини.¹⁶ [А отказавшийся от меня перед людьми будет отвергнут перед ангелами божьими]; їсповѣмъ сѧ тебѣ г(оспод)і в(о)же моѧ • вьсемь срѣдцем моимъ • прославѣи имя твоѧ въ вѣкы • вѣко милость твоѣ великѧ на мнѣ естъ • їзбавилъ є д(оу)шж моѣж отъ ада прѣисподьнѣго.¹⁷ [Исповедаюсь тебе, Господи Боже мой, всем сердцем моим. Прославлю имя твое ввеки, так как милость твоя ко мне велика. Избавил ты душу мою от ада преисподнего.]

Под влиянием новой веры трансформировалась и система ценностей христианизированных народов, в том числе и средневековых славян. Переход от многобожия к единобожию потребовал переориентации в формах и в сущности религиозных обрядов; вместо языческих *капищ* с их каменными и деревянными *истуканами* строятся *церкви, храмы, соборы*. Иными стали службы (теперь уже в честь *единого бога*) и *жертвоприношения, молитвы* и сами *религиозные ритуалы*, которые должны были сопровождать христиа-

¹⁵ *Кръстанов Тр.* Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос X в. в палимпсестен кодекс Vat Cr 2502. София : СИБАЛ, 1996. С. 183.

¹⁶ *Погорелов В.А.* Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Кирского на псалтырь в древнеболгарском переводе // Памятники старославянского языка. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1910. Т. III. Вып. 1. С. 88.

¹⁷ Синайская псалтырь. Глаголическій памятникъ XI вѣка // Памятники старославянского языка: в 4 т. Т. 4. Петроград : Рос. гос. акад. типографія, 1922. С. 115.

нина с момента его рождения до кончины. В ограниченных рамках статьи упомянем только некоторые из обнаруженных в исследуемых текстах УСК, отражающих взаимоотношения средневековых христиан с *единым богом*.

Бог, не каменный, не идол, а живой, всемогущий, всевидящий, всемилостивейший и карающий за грехи, стал важнейшей ценностью человека, принявшего христианство. Десятки УСК в старославянских памятниках называют самого бога и как триединую сущность (*свѣта троица*), и как каждую из его ипостасей: *богъ отьць – богъ боговъ, богъ всѣхъ, ѿдинъ богъ, цѣсарь небесьныхъ/небесьскихъ, господь богъ* и пр.; *богъ сынъ – агньць божи, агньць непорочныхъ, сынъ божи, сынъ давидовъ, кдночадъ сынъ, сынъ чловѣчьскыи* и пр.; *доухъ свѣтыи – доухъ божи, доухъ господень, животворящии доухъ* и пр. УСК также отражают разные грани взаимоотношений верующего с Всевышним. *Всѣмъ срьдьцемъ и всєж доушеж* любить Господа Бога требовала первая христианская заповедь, ибо от него исходили *благодать/благодѣтъ божи, любы господьн/христова*; только он мог даровать душе верующего праведника *животъ вѣчный // жизнь вѣчнжж /* ('бессмертие') в *цѣсарьствии небесьнѣмъ // небесьсцѣмъ* и спасти от *ада прѣисподьнаго*:

Процессуальные и предметные УСК, используемые в старославянских текстах, характеризуют чувства, которые испытывают христиане к богу (любовь, доверие, восхищение и страх); называют действия совершаемые в его честь: *любленик (къ богоу) вѣти, вѣрж (въ бога) имѣти, глаголати осана (всєвышнюоумоу), въздати хвалж (христоу), жрьтвж (богоу) творити, молитвж (къ богоу) приносити, вѣжати граджцааго гнѣва, кати сѧ въ грѣсѣхъ, страхъ божи имѣти* и пр. В то же время фразеологический корпус древнейших славянских текстов называет действия, поступки христианина, противоречащие нравственным установкам, продиктованным новой верой: *власвимнж рещи* 'богохульствовать', *разбои творити* 'совершать грабежи, убийства', *блждъ дѣти* 'развратничать, погрязнуть в разврате', *изврѣци отрочѧ* 'избавиться от плода, сделать аборт', *законъ прѣстѣпати* 'нарушать заповеди господьни', *вѣрж не имѣти* 'быть атеистом', бога не чисти 'не оказывать почестей богу', *жрѣти богомъ* 'приносить жертвы языческим богам', *лѣжж съвѣдѣтельствовати* 'лжесвидетельствовать' и т. д.

К важнейшим ценностям славяне, принявшие крещение, относили *душу человеческую*, которая, будучи противопоставлена *телу*, теснейшим образом связана была с другой ценностью – *любовью*. Неразрывная связь между *душой* и *телом* человека, в соответствии с новой верой, при ведущей роли *души* способна делать человека цельным и гармоничным, живущим в согласии с замыслом божьим, способным полностью, всем существом отдаваться чему-нибудь *благому*, соответствующему *любви к единому богу* и быть преданным идеям *Христа*. Из многочисленных УСК, отражающих отношение средневекового христианина к *душе*, упомянем лишь некоторые: *дѣшж съпасати/съспати* 'заслуживать/заслужить праведной жизнью место для своей бессмертной души в царстве небесном после физической смерти'; *дѣшж прокоуждати/*

прокоудити ‘осквернять/осквернить душу’ и доушж погоубати/погоубити ‘вести безнравственный образ жизни и лишиться тем самым права на вечную жизнь в царстве небесном’; дүшж своѡ/полагати/положити за друґгы своѡ, за кого, за чѡто ‘отдавать/отдать свою жизнь за кого/за что’:

и гла(гола) имѡ. достонитъ ли въ соуботоу. добро ли сътворити. или зло сътворити. д(оу)шю съпасти ли погоубити.¹⁸ [И сказал им (Иисус): «Надо ли в субботу добро творить или зло совершить, *душу спасти* или *погубить*?»]; иже во хоцетъ д(оу)шж своѡ съпасти погоубитъ. а иже погоубитъ д(оу)шж свомене ради и евангеліа. тѣ с(ъ)п(ас)етъ.¹⁹ [Кто хочет *душу* свою *спасти*, погубит ее, а кто *душу* свою погубит меня ради и евангелия, тот *спасет* ее]; больше сѡа любѡве никто же не иматъ. да кто д(оу)шж своѡ положитъ за друґгы своѡ. въ друґзи мои есте. аще творите. елико азъ заповѣдахъ вамъ.²⁰ [Больше той любви, чем любовь того, кто *положит* *душу* за *други своя*, нет ни у кого. Вы мои друзья, если делаете так, как я заповедал вам.]

Формула готовности к самопожертвованию ради сородича, соратника, друга или того, кто нуждается в защите (дүшж свополагатиположити за друґгы своѡ), восходящая к 10-й главе Евангелия от Матфея, где ее произносит Иисус Христос, вошла в нравственный кодекс восточных славян, а затем и русских как соответствующая их дохристианским представлениям о необходимости защиты своего рода и своей земли. В то же время эта формула естественным образом подкрепляла обновленную в Нагорной проповеди ветхозаветную заповедь: **Възлюби ближняго своґго акы самъ сѡ.** Иисус Христос считал, что любовь не только к ближнему, но и к другим людям должна лечь в основу новых взаимоотношений между всеми людьми. Если в Ветхом Завете говорится: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», то Иисус сформулировал новый принцип жизни человечества: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...» (Мф 5: 43–44). О том, насколько прочно в менталитете восточных славян закрепились эти ценности, свидетельствует их тысячелетняя история. Кто только ни писал о *загадочной русской душе*, а подвигам самопожертвования русских воинов, и не только воинов, несть числа. Основатель регулярной российской армии Петр I был уверен: «*Кто жесток, тот не герой!*» Воинские девизы не знавшего поражений легендарного полководца А.В. Суворова, а также прославленных советских полководцев непременно содержали не только призывы к самопожертвованию во имя ближнего своего («*Сам погибай, а товарища выручай!*»), но и напоминали о необходимости щадить поверженного противника, проявлять человеколюбие. Суворов наставлял: «*Победителю прилично великодушие!*»; «*С пленными поступать человеколюбиво и стыдиться варварства!*»; «*Солдат не разбойник!*»;

¹⁸ Архангельское евангелие 1092 года : евангелие апракос краткий. М., 1666. С. 196.

¹⁹ *Кръстанов Тр.* Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос X в. в палимпсестен кодекс Vat Cr 2502. София : СИБАЛ, 1996. С. 107.

²⁰ Саввина книга. Трудъ Вяч. Щепкина // Памятники старославянского языка: в 4 т. Т. 1. Вып. 2. СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1903. С. 94.

«Без добродетели нет ни славы, ни чести!» На этом, собственно, и держится представление о восточном славянине вообще и о русском человеке в частности как о «соборной личности». «Мы народ поистине коллективистский, мы можем существовать только вместе с социумом, который мы постоянно устраиваем, охорашиваем, волнуемся и переживаем за него <...> наш социум, наша группа – это средостение, связующее звено между нами и этим миром. Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать *соборной личностью*», – пишет автор книги, посвященной русскому национальному характеру (Касьянова, 1994: 180).

К числу ценностей, которые сформировались у славян еще в дохристианский период, относится *моногамная семья*. Христианство же поддержало эту ценность и укрепило ее позиции, освятив вступление в семейную жизнь обрядом *венчания* и введя важнейший нравственный принцип – *нерушимость брака*: сего ради оставитъ чловѣкъ о(ть)ца своего и м(а)т(е)рь• и прилѣпитъ сѧ женѣ своей• и будете оба въ плѣть единѧ.²¹ [Ради этого (супружества) оставит человек отца своего и мать и присоединится к жене своей, и будете оба, как единая плоть.] Старославянские «осуждающие» УСК *жена любодѣница, словеса любодѣвина, содомьскыи грѣхъ, въ блѣдъ въпадати/въпасти, прѣлюбы творити/сътворити* и прочие подтверждают выводы исследователей-лексикографов о том, что славяне-христиане считали большим грехом распутство и супружескую неверность. Это унаследовали и русские, которые «точно так же эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения» (Вежбицкая, 1997: 83). Главное предназначение мужчины и женщины, вступивших в брак, по христианскому учению, – рождение и воспитание детей.

Семья, супружеская жизнь, дети, были важнейшей ценностью у славян и в языческие времена. Но после крещения, как свидетельствуют УСК, родилась новая ценность – *религиозная аскеза*, с ее *столпничеством, отшельничеством, сухоядением, землелеганием, жестоколеганием*, которые предполагали отказ от семейной жизни. Эти формы самоограничения имели мало общего с нравственным принципом *дѣшѧ положити/полагати за другѧ своиѧ*. Иначе расценивает эту ценность другие исследователи. Так, Н.В. Уфимцева, соглашаясь с К. Касьяновой, пишет, что *самоотказ и аскеза* – «одна из <...> глубинных ценностей, которая наиболее сильно „подавляется“ идеалами и эталонами, пришедшими в наше сознание из других культур» (Уфимцева, 2006: 131). «Чего человек достигает путем самоограничения?» – спрашивает Касьянова и продолжает: «...он достигает таким путем власти над своей физической природой, а тем самым победы духа» (Касьянова, 1994: 199). Подчеркнем, что в старославянских текстах речь идет о личном самоограничении для победы собственного духа над собственной физической природой. А восточные славяне, к коим принадлежат и русские, – все же люди соборного типа. И согласиться с тем, что *религиозная аскеза* – это самая глубин-

²¹ Evangeliiar assemanuv. Kodex Vatikanski 3. slovanski. Dil II. Uvod, text v prepise cyrilskem, poznamky textove, seznamy cterni / vydal J. Kurz. Praha : Nakladatelstvi Československé Akademie Věd, 1955. S. 86.

ная славянская ценность, мы не можем. Одно дело, когда самоограничение и жертвенность совершаются во имя счастья народа или во имя спасения конкретных людей, нуждающихся в защите. Став христианами, славяне, а затем и русские люди с почтением относились к *отшельникам, столпникам, молчальникам* и прочим одиноким *молитвенникам*, порывавшим с семьями и уходившим в пустыни, жившим в пещерах вдаль от людей. Синаксарные и месяцесловные записи служебных евангелий свидетельствуют о том, что славяне, в том числе русские, чтит память сотен святых мучеников, погибших от рук палачей за веру христианскую. Но все же наибольшей любовью у них пользовались те святые, которые были канонизированы за заслуги перед отечеством, принимали участие в защите родной земли. Это князья типа Александра Невского или монашествовавшие святые, которые в годы народных бедствий выходили из своих келий на помощь к тем, кто более всего страдал, и благословляли тех, кто сражался против захватчиков.

Заключение

Мы привлекли к анализу лишь часть старославянских УСК, которые позволяют проследить появление новых этических ценностей у славян после крещения или трансформацию их важнейших дохристианских ценностей. Многие из этих УСК вошли в русскую языковую систему и по-прежнему являются вербализаторами ключевых концептов, отражающих нравственные основы национального менталитета. Каждая ценность получала «словесную одежду» в Средние века как ответ на активное неприятие негативных проявлений ее антиценности. Так, ценности *любовь к ближнему* и *любовь к врагу*, проповедуемые Иисусом Христом, рождались в эпоху, когда жизнь человека фактически ничего не стоила, а изощренные пытки и смертные казни, устраивавшиеся публично, были привычным зрелищем для толпы. Для Иисуса Христа «не было ни эллина, ни иудея», представители всех этносов могли чувствовать себя равными в общине, как равными могли себя чувствовать и представители разных сословий. Это подтверждается данными фразеологической системы старославянского языка. Благодаря лингвокультурологическому и историко-этимологическому анализу сверхсловных языковых единиц установлено, что христиане являли собой не отдельную социальную группу: их можно было обнаружить среди людей разных слоев населения огромной Римской империи. Многочисленные УСК, служащие наименованиями христианской веры, названиями последователей Христа и объекта их поклонения, дали возможность установить причины притягательности новой веры и для покоренных империей варваров, и для римлян. Процессуальные, предметные, адвербиальные, предикативные сверхсловные языковые единицы помогают реконструировать образы первых христиан. Это люди твердых убеждений, способные отстаивать свои взгляды перед сильными мира сего, готовые принять муки и даже смерть во имя новой веры.

Проведенное исследование открывает перспективу дальнейшего изучения старославянских УСК, служащих вербализаторами других фрагментов нравственной системы славян, видоизменявшейся под влиянием христианизации, а затем унаследованной русскими. Это диады ценностей и антиценностей: «Жизнь» и «Смерть», «Царство небесное» и «Царство земное», «Век

нынешний» и «Век будущий», «Бедность» и «Богатство», «Правда и «Ложь» и пр. Расширенный анализ старославянского фразеологического корпуса поможет решить одну из важнейших задач исторической славистики – научное описание общеславянского языка, что связано с проблемой «праязыковой реконструкции», требующей «системного анализа значительного по объему конкретного материала» (Глущенко, Пискунов, 2021: 27). И главное – это позволит системно и с должной полнотой описать историю становления «нравственно заряженного», связанного с христианизацией фразеологического блока русского языка.

Список литературы

- Бакина А.Д.* Концептосфера библейской фразеологии // Славянская фразеология и паремнология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Ковалева : сб. науч. статей / отв. ред. Е.В. Ничипорчик. Гомель : Гомельский ГТУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 47–53.
- Вежбицкая А.* Русский язык // Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997. С. 33–88.
- Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.
- Верещагин Е.М.* Кирилло-Мефодиевское книжное наследие : межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. М. : Индрик, 2012. 520 с.
- Глущенко В.А., Пискунов А.В.* Феномен праязыка в трудах ученых Московской лингвистической школы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 27–41. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/2>
- Дубровина Н.К.* Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М. : Флинта : Наука, 2012. 264 с.
- Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке : способы номинации и приоритеты выбора. М. : Институт славяноведения РАН, 2011. 222 с.
- Ефимова В.С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М. : Институт славяноведения РАН, 2006. 366 с.
- Жигулина Д.В.* Брак земной и брак духовный в Ветхом и Новом Завете // Православное наследие в культуре России : история, актуальность диалога : материалы Всероссийской научно-практической конференции : XI Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2013. С. 272–278.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М. : Институт национальной модели экономики, 1994. 367 с.
- Комшина П.М.* Ядерная зона вербализаторов концепта «Прѣстѣплѣние» в старославянских текстах X–XI вв. (опыт лексикографического описания) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2014. № 3. С. 13–21.
- Мишина Л.Н.* Устойчивые словесные комплексы фразеосемантического поля «Мука» в тексте Супрасльской рукописи как материал для воссоздания языковой картины мира средневекового славянина // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : колл. монография : в 2 ч. Ч. 1. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. С. 8–21.
- Мокиенко В.М.* Библизмы в современном русском тексте // Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. М. : АСТ : Астрель, 2010. С. 3–14.
- Толстой Н.И.* Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Славянская литературно-языковая ситуация. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 49–65.

- Толстой Н.И. Кирилло-мефодиевская традиция у славян // Славянская литературно-языковая ситуация. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 43–48.
- Уфимцева Н.В. Византийское наследие в языковом сознании современных русских // Языковая личность : текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова : сборник статей. М. : РУДН, 2006. С. 124–131.
- Федуленкова Т.Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. 2019. № 1 (45). С. 108–120.
- Хухуни Г.Т., Валуицева И.И., Осипова А.А. Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика и лингвосемиотика. 2021. Т. 12. № 3. С. 547–558. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-547-558>
- Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М. : Наука, 1977. 336 с.
- Цейтлин Р.М. Построение словарной статьи // Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин и др. М. : Русский язык, 1994. С. 44–55.
- Шулежкова С.Г. Проблема единения славян в условиях глобализации на основе общих культурных истоков и ментальных ценностей // Наследие. 2017. Т. 14. Вып. 37. С. 147–156.
- Balakova D. Z výsledkov sociolingvistického slovensko-ruského výskumu (parémie biblického pôvodu) // Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Chlebda z okazji 70 urodzin / W. Mokienko, red. Opole : Uniwersytet Opolski, 2020. S. 63–76.
- Chlebda W. Biblizmy jako skrzydlate jednostki polszczyzny // Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne. Opole : Uniwersytet Opolski, 2005. S. 209–252.
- Chlebda W. Czy skrzydlate słowa są prototypowymi obiektami frazeografii? Jeszcze raz o statusie skrzydlatych słów // На крыльях слова : материалы международной заочной научной конференции / гл. ред. А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2015. С. 102–107.
- Koziara S. Obrazy świata biblijnego utrwalone w polskiej frazeologii (w prowadzenie do opisu) // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków / W. Chlebda, red. naukowa. Opole : Uniwersytet Opolski, 2007. S. 183–190.
- Mokienko V.M. Bibleizmen und Europäisierung nationaler Sprichwörter und Phraseologismen // Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren / H. Walter, ed. Greifswald : Universität Greifswald, 2018. S. 4–11.
- Nida E.A. Bible translating : an analysis of principles and procedures, with special reference to aboriginal languages. New York : American Bible Society, 1947. 362 p.
- Shulezhkova S., Kostina P. The linguistic world-image of the medieval Slavs through the phraseological prism // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Vol. 86. Pp. 1548–1553.

Сведения об авторе:

Шулежкова Светлана Григорьевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, Российская Федерация, 455000, Магнитогорск, пр-кт Ленина, д. 38. Заслуженный работник высшей школы РФ, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. Руководит Научно-исследовательской словарной лабораторией при МГТУ им. Г.И. Носова. Является автором около 400 публикаций, в том числе учебных пособий, монографий, хрестоматии по старославянскому языку; автором и соавтором около 20 словарей. Возглавляет коллектив, работающий над первым в истории славистики «Большим фразеологическим словарем старославянского языка». *Сфера научных интересов*: историческая фразеология, славянские языки, крылатология, фразеография, крылатография, неография, методика преподавания русского языка в высшей школе. ORCID: 0000-0002-0314-6721. E-mail: shulezkova@gmail.com

Set expressions reflecting Slavonic mentality transformation during Christianization

Svetlana G. Shulezhkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

✉ shulezhkova@gmail.com

Abstract. The article deals with the socio-historical and axiological informativity of phraseological units in the Old Church Slavonic language in the aspect of the history of Russian phraseological system. The author pays her attention to the superword language units in Slavonic manuscripts of the 10–11th centuries. The purpose of the research is to identify through the prism of phraseology the origins of Slavonic key values, which were transformed during Christianization, and their superword nominations. The novelty of the study lies in the fact that besides the canon sources, the article analyzes the sources which were ignored by the authors of the Old Church Slavonic dictionaries. The object of the research is the Old Church Slavonic phraseological units reconstructed with the continuous sampling method from the texts created in different parts of medieval Slavia. To analyze the linguistic material, comparative-historical, linguoculturological, linguocognitive methods and methods of component and contextual analysis were used. As a result, adjustments were made to the idea of the activities of medieval Christian communities. Old Slavonic phraseological units testify that the former pagan Russians were attracted to Christians by their boundless faith in the truth of Christ's teaching, their ability to defend their beliefs, personal courage, love for neighbor and mercy. The relevance of this study is that in the context of globalization, the Christian values assimilated by the Eastern Slavs during Christianization, which contributed to the powerful take off of Russian culture, today need to be protected. The research direction outlined in this article opens up the prospects of establishing the origins of the Russian Christian phraseological corpus and its rules.

Keywords: axiological system, moral values, phraseological units, Russian language, Slavs, Christianity, phraseology

Article history: received 16.11.2021; accepted 11.01.2022.

For citation: Shulezhkova, S.G. (2022). Set expressions reflecting Slavonic mentality transformation during Christianization. *Russian Language Studies*, 20(2), 217–232. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-217-232>